

УДК 81:1:801.73

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА
В ЛИНГВОФИЛОСОФИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА***А.М. Галиева, З.З. Ибрагимова***Аннотация**

В статье рассматриваются вопросы философии языка В. фон Гумбольдта на широком фоне онтологических и теоретико-познавательных проблем. Показывается связь гумбольдтовской антропологии с лингвофилософской проблематикой. На материале произведений немецкого мыслителя исследуется диалектика и амбивалентность объективного и субъективного в языке.

Ключевые слова: В. фон Гумбольдт, язык, лингвофилософия, антропология.

Философия языка продолжает оставаться одним из наиболее влиятельных направлений в современной философии, в центре внимания которого находятся представления о природе и сущности языка, о роли языка в процессах мышления и познания. Считается, что современная философия языка сформировалась во многом благодаря аналитическому движению в англо-саксонских странах, между тем классические основания философии языка закладываются в философских построениях более раннего периода, в частности, в творческих исканиях В. фон Гумбольдта.

Лингвистическая концепция Гумбольдта открывает новый этап в истории языкознания, объединяя на новом уровне идеи о внутреннем строении языка, его связи с интеллектуальной и духовной жизнью человека и культурой народа.

Многие проблемы, поднятые Гумбольдтом, находятся в центре современных оживлённых научных и философских дискуссий и требуют своего рассмотрения с позиций актуальных тенденций в современной философии и теории языка.

Вильгельм фон Гумбольдт – выдающийся немецкий философ, антрополог, языковед. В сфере его интересов были не только языки индоевропейской семьи, он исследовал также баскский язык, многие годы изучал языки коренных жителей Северной и Южной Америки, Индонезии и Полинезии, а также некоторые другие языки (в частности, коптский, древнеегипетский, китайский, японский). В. фон Гумбольдт профессионально занимался также вопросами государственного права, был дипломатом, переводил на немецкий язык произведения Эсхила и Пиндара. Друзьями Гумбольдта были Шиллер и Гёте. Берлинский университет, основанный в 1809 г. по инициативе В. фон Гумбольдта, носит имя братьев Гумбольдтов (Александр фон Гумбольдт, брат Вильгельма, был выдающимся немецким естествоиспытателем, географом и путешественником, он считается одним из основателей географии растений).

К сожалению, богатое духовное наследие Гумбольдта, несмотря на традиционность изучения его трудов в многочисленных работах по истории лингвистических учений и теории языка, остаётся за пределами профессиональных интересов философского сообщества. Так, в известной книге А.В. Гулыги «Немецкая классическая философия» деятельности братьев Гумбольдтов уделено всего шесть (!) страниц, здесь представлен лишь краткий обзор социально-политических и эстетических взглядов В. фон Гумбольдта, а его лингвофилософское наследие не рассмотрено вообще [1, с. 173–179]. То, что в многочисленных отечественных лингвистических работах (особенно последнего времени) наследие Гумбольдта не получает должного философского осмысления [2–4], отчасти объясняется тем, что многие глубокие идеи Гумбольдта даны в его трудах фрагментарно и не всегда развёрнуты в эксплицитной форме. Нельзя забывать и о том, что Гумбольдт писал свои произведения в то время, когда ещё не было ни общего языкознания, ни лингвистики как строгой науки о языке в привычном нам смысле слова: в начале XIX века отсутствовала разработанная языковедческая терминология, не была создана методология исследования языка. Несмотря на всё это, Гумбольдт рассматривает такие общеязыковые и лингвофилософские проблемы, которые остаются предметом оживлённых дискуссий и в настоящее время.

Произведения Гумбольдта, указывает Э. Кассирер, «нередко превосходят то, что он сам выражает по их поводу в ясных и чётких понятиях. Но и затемнёность некоторых понятий, так часто вызывавшая нарекания, всегда несёт в себе и продуктивный содержательный момент – правда, такой момент, который по большей части невозможно заключить в простую формулу, в абстрактную дефиницию, но который оказывается действенным и плодотворным лишь в целом конкретной работы Гумбольдта над языком» [5, с. 84]. Э. Кассирер подчёркивает, что понятия, которые использует Гумбольдт в своём анализе языка, не являются только продуктами работы логики, холодного разума, «в них постоянно присутствует призыв эстетического чувства, художественного настроения, оживляющего изложение, однако одновременно скрывающего членение и структуру мысли» [5, с. 84].

М. Хайдеггер, давая оценку основному сочинению Гумбольдта – трактату «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», изданному в 1836 году, писал: «С тех пор этот трактат, осуждают ли его или одобряют, упоминают или замалчивают, определяет собой всю последующую лингвистику и философию языка вплоть до сего дня». Хайдеггер характеризует это сочинение как «поразительное, с трудом обозримое, туманно колеблющееся в своих основополагающих понятиях и, однако, неизменно волнующее» [6, с. 262].

Согласно учению Гумбольдта, язык не просто одна из важнейших характеристик человека наряду с мышлением, моралью и т. п., это даже не уникальный дар, данный человеку свыше. Наличие языковой способности, реализация этой способности – сущностная, фундаментальная характеристика человека. Гумбольдт неоднократно повторяет, что язык есть «орган человека» (не приложение или довесок к человеку, а именно орган – неотъемлемая часть человека как целого), поэтому он не должен быть рассмотрен изолированно, а только с позиций

его нерасторжимых связей с человеком, поэтому антропология и теория языка Гумбольдта взаимно предполагают друг друга.

Концепция Гумбольдта позволяет рассматривать язык и мышление в изначальном единстве, при этом именно язык выступает в качестве фундамента для объединения наук о человеке и культуре. Гумбольдт говорит о необходимости сравнительного изучения языков; такое сравнение «может показать, каким различным способом человек создал язык и какую часть мира мыслей ему удалось перенести в него» [7, с. 311].

По мнению немецкого мыслителя, каждый язык представляет собой результат взаимодействия трех факторов: «реальной природы вещей», «субъективной природы народа» и «своеобразной природы языка» [7, с. 319]. Для нас чрезвычайно интересен тезис о том, что «языки являются не только средствами выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной. Их различие состоит не только в отличиях звуков и знаков, но и в различиях самих мировидений» [7, с. 319]. В результате бесконечной серии превращений и наращений в течение столетий каждый отдельный этнический язык и человеческий язык как таковой обогащаются в содержательном плане и совершенствуются в структурном отношении, что приводит к усложнению и обогащению того мира, который дан человеку.

«Сущность языка состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [7, с. 315]. Но «акт превращения мира в мысль» происходит не в абстрактном языке вообще, а в реальных, конкретных языках. Различные языки рассматриваются Гумбольдтом в качестве различных путей преобразования мира в достояние духа. Гумбольдт говорит: «Мышление не просто зависит от языка вообще, а до известной степени оно обусловлено также каждым отдельным языком» [7, с. 317].

Антропологическая составляющая, обусловленная врожденностью дара речи у человека, связывается как с эмпирическими проявлениями отдельных языков, так и с вопросом о разнообразии языков. «Человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что можно выразить в словах; но ему приходится заключать в слова свой неуловимый дух, чтобы скрепить его чем-то, и использовать слова как опору для достижения того, что выходит за их рамки. Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её» [8, с. 349]. Поэтому через разнообразие языков – разнообразные способы мировосприятия, мировидения и миростолкования – человек способен постичь богатство мира, многообразие форм и свойств предметов и явлений.

Разные языки – это также разные способы постижения природы и сущности самого человека, разные пути представления его субъективности, разные способы моделирования и описания устройства его внутреннего мира, то есть способы задавания многомерности человеческого бытия. Разнообразные языки задают различные мыслительные перспективы, и видение мира и человека в них предстаёт сложным, стереоскопичным, взаимодополнительным.

Таким образом, множественность форм проявления языка рассматривается Гумбольдтом как важнейший фактор прогресса и взаимообогащения культур, духовного развития человечества в целом.

Гумбольдт не мог обойти стороной и вопрос о происхождении языка. Пытаясь уйти от внутренней противоречивости известных ему концепций лингвогенеза, он акцентирует внимание не на внешнем происхождении, а на «внутреннем» генезисе языка. Следы слов теряются во тьме доисторического существования, так что установить начало уже не представляется возможным [7, с. 319]. Тайна происхождения языка – «преграда, через которую нас не сможет перенести ни историческое исследование, ни вольный полёт мысли» [7, с. 66].

Способность человека произносить членораздельные звуки – «пропасть, лежащая между бессловесностью животного и человеческой речью» – не может быть объяснена чисто физиологическими причинами, «только сила самосознания способна чётко расчленивать материальную природу языка и выделить отдельные звуки» [7, с. 309].

Относительно происхождения языка Гумбольдт рассматривает два соблазнительных предположения. Первое из них заключается в следующем: непостижимая сложность языка может быть объяснена тем, что эта сложность – явление вторичного порядка, результат эволюции, постепенного усложнения более простых структур с течением времени. Второе допущение исходит из того, что сложность языка – следствие «колоссальных мыслительных усилий» его создателей. Гумбольдта не устраивают оба предположения.

«Язык следует рассматривать, по моему глубокому убеждению, как непосредственно заложенный в человеке, ибо сознательным творением человеческого рассудка язык объяснить невозможно. Мы ничего не достигнем, если при этом отодвинем создание языка на многие тысячелетия назад. Язык невозможно было бы придумать, если бы его тип не был уже заложен в человеческом рассудке. Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нём. В языке нет ничего единичного, каждый его отдельный элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу» [7, с. 313–314].

Основываясь на своём изучении языков первобытных народов, Гумбольдт утверждает, что не существует примитивных языков: даже так называемым грубым и варварским языкам присуще совершенство структуры, они обладают инвентарём, достаточным для выражения любой мысли. Потому исследователь «никогда не имеет дело с языком в его непосредственных истоках» [7, с. 228].

Таким образом, для Гумбольдта язык – результат необъяснимого качественного скачка в развитии природы. Доязыковое существование и существование в языке различаются, если воспользоваться выражением Н. Хомского, не «степенью сложности», а «качеством сложности» [9, с. 16]. В качестве аргумента приведём следующее рассуждение французского мыслителя Жака Лакана.

«Всякая дискуссия о происхождении языка несёт на себе печать неисправимой наивности, если не сказать слабоумия. Каждый раз язык пытаются вывести из какого-то прогресса мышления. Замкнутый круг здесь налицо. Мышление начинает выделять в ситуации детали, улавливать особенное, элементы комбинации. Мышление само по себе преодолевает поворотную стадию, отмежёвывается от животного интеллекта и переходит к стадии символа. Но каким

образом, если не предполагать, что символ был уже прежде – символ, являющий собой саму структуру человеческой мысли?

Мыслить значит заменять слонов словом «слон», а солнце – кругом. Вы прекрасно понимаете, что между той вещью, которая феноменологически является солнцем – центром того, что пронизывает мир видимости, единицей света, – и кругом пролегает целая пропасть. Но даже если преодолеть эту пропасть, то в чём же будет преимущество перед животным интеллектом? Ни в чём. Поскольку солнце, будучи обозначено кругом, ещё ничего не стоит. А свою цену оно приобретает лишь постольку, поскольку такой круг оказывается связан с другими формализациями, и вкуче с ними он составит символическое целое, где займёт свое место – в центре мира, к примеру, или на периферии, что совершенно безразлично. Символ имеет цену лишь будучи организован в мир символов» [10, с. 295–296].

Конечно, Гумбольдту не удаётся разгадать загадку происхождения языка, но идея об органической целостности языка позволяет ему в какой-то мере обойти стороной известный парадокс о том, что более первично – часть или целое. «Человек является человеком только благодаря языку, а для того, чтобы создать язык, он уже должен быть человеком. Когда предполагают, что этот процесс происходил постепенно, последовательно и как бы поочерёдно, что с каждой новой частью обрётённого языка человек всё больше становился человеком и, совершенствуясь таким образом, мог снова придумывать новые элементы языка, то упускают из виду нераздельность человеческого сознания и человеческого языка, не понимают природу действия рассудка, необходимого для постижения отдельного слова и вместе с тем достаточного для понимания всего языка. Поэтому язык невозможно представить себе как нечто заранее данное, ибо в таком случае совершенно непостижимо, каким образом человек мог понять эту данность и заставить её служить себе» [7, с. 314].

Согласно Гумбольдту, сущность создания языка заключена не столько в установлении бесконечно сложной иерархии взаимосвязанных отношений в структуре языка, сколько в непостижимой глубине элементарных, на первый взгляд, мыслительных процессов, которые необходимы для понимания речи и осуществления простейших мыслительных усилий.

Называя язык «продуктом инстинкта разума» (неожиданный оксюморон!), Гумбольдт подчёркивает, с одной стороны, его бессознательный характер и независимость от контроля сознанием, а с другой – значимость языка в формировании субъективного образа мира.

Следуя романтической традиции, Гумбольдт использует понятие «дух народа». «Дух народа» для него является некоей инвариантной категорией, величиной одновременно и метафизической, и социальной. Знание о духе народа черпается из языка, но посредством языка этот дух не только познаётся, но и конституируется.

Одним из интересных и оригинальных аспектов философии языка Гумбольдта является разработанная им концепция о внутренней форме языка.

Понятие «форма» в философии подразумевает не только внешнее выражение какого-либо содержания, но и предполагает внутреннее строение, структуру, способ связи элементов. Так, у Аристотеля форма является активным фактором,

благодаря которому вещь вообще существует. Форма понимается философами и как способ существования вещи.

Онтологическая природа языка определяется его целостностью, тем не менее язык никогда не вырисовывается перед исследователем в своей целостности, а проявляет себя в бесконечном нагромождении звуков, слов, предложений, правил грамматики и правописания, исключений и т. п., то есть выглядит как хаотическое нагромождение случайных проявлений. Увидеть гармонию целого в этом кажущемся хаосе – задача непростая. Именно понятие формы, по мнению Гумбольдта, открывает исследователю путь к постижению тайн языка, к выяснению его сущности.

Форма языка не есть только плод научной абстракции, она – сущность энергийная и энтелехийная. Отдельное слово языка является не просто случайным результатом изолированного акта словотворчества, но частным случаем развёртывания органически единого языкового содержания, единого действия принципа формы.

Внутренняя форма связана с духом народа и фиксирует особенности национального мировоззрения, это способ, как пишет Ю.В. Рождественский, каким категории мышления объективируются в языке [3, с. 317]. Деятельность духа, направленная на выражение мысли, «осуществляется постоянным и однородным образом» и «видоизменяется лишь в пределах определённых, не очень широких границ»; «постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка» [7, с. 71].

Внутренняя форма вбирает в себя совокупность всего, что заложено в языке: «Характерная форма языка отражается в его мельчайших элементах, и каждый из них тем или иным и не всегда явным образом определяется языковой формой. С другой стороны, едва ли в языке можно найти те пункты, относительно которых можно было бы сказать, что они сами по себе, отдельно взятые, являются решающими для формы» [7, с. 71].

Таким образом, внутренняя форма языка предполагает способ соединения звука с понятием, способ объективации мышления в языке, одновременно это выражение индивидуального духа народа. Внутренняя форма – это система и структура языка, взятые в целостности. Гумбольдт говорит: «Звуковая форма – это та форма, которая создана языком для выражения мысли. Но её также можно представить и как некий каркас, в который как бы встраивается язык» [7, с. 96].

Для Гумбольдта неприемлема точка зрения, что единицы языка лишь обозначают предметы мира, воспринятые до языка и безотносительно к нему. Немецкий мыслитель уже в ранних работах подчёркивает значение членения, артикуляции в широком смысле – то есть значение дискретизации для функционирования языка как в плане выражения, так и в плане содержания: «Акту рассудка, в котором создаётся единство понятия, соответствует единство слова как чувственного знака, и оба единства должны быть в мышлении и через посредство речи как можно более приближены друг к другу. Как мыслительным анализом производится членение и выделение звуков путём артикуляции, так и обратно эта артикуляция должна оказывать расчленяющее и выделяющее действие на материал мысли и, переходя от одного нерасчленённого комплекса к другому,

через членение пролагать путь к достижению абсолютного единства» [7, с. 317]. Только слово способно образовать понятие как единицу мысли, но слово, будучи оформлено, не может не оказывать обратного влияния на само понятие. Понятие, приобретая благодаря слову определённую, оформленную, при этом одновременно вводится в известные границы, определяется. Именно в аспекте дискретизации проявляется взаимообусловленность слова и мысли.

«Во всех разбираемых здесь случаях внутреннее обозначение слов содержит атрибуты двоякого характера, и необходимо тщательно их различать. А именно – к самому акту обозначения понятия добавляется ещё особая работа духа, переводящая понятие в определённую категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением. Но оба эти элемента лежат в совершенно различных сферах. Обозначение понятия относится к области всё более объективной практики языкового сознания. Перевод понятия в определённую категорию мышления есть новый акт языкового самосознания, посредством которого единичный случай, индивидуальное слово, соотносится со всей совокупностью возможных случаев в языке или речи. Только посредством этой операции, осуществляемой в самых чистых и глубоких сферах и тесно связанной с самой сущностью языка, в последнем реализуется с надлежащей степенью синтеза и упорядочения связь его самостоятельной деятельности, обусловленной мышлением, и деятельности, обусловленной исключительно восприимчивостью и более связанной с внешними впечатлениями» [7, с. 118].

Разделяя дух на объективный и субъективный, как и другие романтики, Гумбольдт исходит из того, что именно в стихии языка обнаруживается преодоление этого разделения. «...Человек хочет вырваться за пределы своей индивидуальности, отгораживающей его от других, однако подобно гиганту, получающему силы лишь от соприкосновения с матерью-землей, в которой заключена его мощь, в этом высоком борении он с необходимостью усиливает свою индивидуальность. Таким образом, он добивается всё большего прогресса в устремлении, самом по себе являющемся невыполнимым. И здесь ему поистине чудесным образом приходит на помощь язык, который также соединяет, обособляя, заключая возможность всеобщего понимания в оболочку индивидуального выражения» [5, с. 85].

Многие идеи Гумбольдта отражают важнейшие положения немецкой классической философии в оригинальном развитии и преломлении применительно к материалу языка.

В произведениях Гумбольдта можно обнаружить и идеи об отчуждении, ставшие столь значимыми для последующей философии: как продукт, доставшийся в наследство от прошлого, язык является чем-то чуждым для человека, он связывает и ограничивает его, одновременно обогащая [7, с. 320].

Гумбольдт в своих работах постоянно подчёркивает, что понимание природы языка не может быть сведено только к интерпретации языка как средства общения; язык для него – промежуточная реальность между объективной действительностью и субъективным миром индивида, мир, который «внутренняя работа духовной силы призвана поставить между собою и предметами» [7, с. 171]. Язык как «великое средство преобразования субъективного в объективное» [7, с. 318],

воплощает собой двуединство мира и человека. Человек должен «поглощать в своей собственной вновь созданной стихии сущность мира и человека, реальность субъекта и объекта, сохраняя только их идеальную форму» [7, с. 305].

Язык по своей природе амбивалентен, антиномичен, и эта амбивалентность проявляется и в отношении его одновременной субъективности и объективности.

В работах Гумбольдта переплетаются идеи Канта и Шеллинга. «Опираясь на критический анализ способности познания, Гумбольдт пытается достичь той точки, где противоположность субъективности и объективности, индивидуальности и универсальности снимается, переходя в чистую индифферентность» [5, с. 85]. На первый взгляд, слово представляется скорее образованием субъективной природы, нежели объектом, однако в сознании мыслящего оно превращается в объект, который оказывает обратное воздействие на мыслящего. Субъективная деятельность духа создаёт в мышлении особый объект, который не является простым воспроизведением (копированием) объекта внешнего мира, а конструируется согласно системе языка. Одновременно представление объективируется благодаря языковому знаку, не отрываясь при этом от субъекта, носителя этого представления. Гумбольдт говорит: «Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для неё обретает полноту реальности только через посредство понятия» [7, с. 80].

Вся деятельность сознания, направленная на восприятие предмета, опосредуется языком. Слово не является ни копией вещи, ни отпечатком предмета в нашем сознании.

«Слово, действительно, есть знак до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность; сумма всех слов, язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [7, с. 304]. Э. Кассирер отмечает, что изначальное единство между миром и человеком, «на котором основывается всякая возможность познания истины и которое мы должны во всяком исследовании частных предметов предполагать в качестве общего постулата, может быть вновь обретено нами лишь через явление, последовательно, шаг за шагом. В этом смысле объективное представляет собой не данность, а то, чего постоянно требуется достигать» [5, с. 85]. В философии Гумбольдта, говорит Кассирер, «место метафизической противоположности субъективности и объективности заступает их чисто трансцендентальная корреляция» [5, с. 86]. У Канта сознание субъекта, его категории обеспечивают «возможность» объекта для него, конструируют этот объект. Подобно этому субъективность языка у Гумбольдта не просто выступает в качестве досадной помехи, не позволяющей достичь адекватного воспроизведения предметного бытия, а мыслится в качестве средства «объективации» чувственных впечатлений. «Языковой знак, как и понятие в познании, не порождается исключительно объектом как данностью, чтобы просто “выражать” его собой, но содержит в себе духовный модус восприятия, входящий как решающий момент во все наши представления объективного» [5, с. 86].

Поскольку, как отмечает Гумбольдт, субъективность и объективность отличаются только тем, что «их противопоставляет друг другу акт рефлексии» [7,

с. 305], должно существовать соответствие между основными формами, преобладающими в сфере духа, и основными формами внешнего мира. Эти формы не могут быть наблюдаемыми непосредственно, но тем не менее они имеют активную природу, которая обусловлена механизмом языка и мышления. Слово «в чувственной, заимствованной у природы форме выражает идею, лежащую вне всякой природы», «эта внеприродная идея и позволяет использовать предметы внешнего мира как материал для мышления и ощущений, она есть неопределённость предметов, при которой представление их не должно быть ни всякий раз исчерпывающим, ни раз и навсегда данным, поскольку оно способно на всё новые и новые преобразования, – неопределённость, без которой была бы невозможна самодеятельность мышления» [7, с. 306]. Гумбольдт также указывает, что мышление никогда не имеет дела с изолированным предметом, в то же время для него реальное бытие предмета с его многочисленными свойствами и связями также не является необходимым, поскольку само мышление «создаёт связи, отношения, точки зрения и соединяет их» [7, с. 306], то есть при помощи языкового мышления осуществляется структурирование явлений внешнего и внутреннего мира, производится построение сложных иерархий.

Таким образом, для Гумбольдта важно то, что язык не просто воспроизводит в идеальной превращённой форме предметы внешнего мира, а даёт возможность формировать понятия об этих предметах, выстраивать сложные связи и отношения при восприятии явлений мира.

Уникальное лингвофилософское наследие Гумбольдта охватывает широкий круг проблем – онтологических, теоретико-познавательных, антропологических, эстетических. Гумбольдт явился, по существу, основоположником философии языка как самостоятельного направления и оказал огромное влияние на развитие языкознания XIX – XX вв. Его творчество продолжает оставаться предметом постоянного переосмысления, являясь источником новых концепций и идей.

Summary

A.M. Galieva, Z.Z. Ibragimova. Anthropological Nature of Language in the Linguistic Philosophy of W. von Humboldt.

The article discusses the questions of the philosophy of language by W. von Humboldt in terms of a wide range of ontological and epistemological problems. The relationship between Humboldt's anthropology and linguistic philosophy is shown. Based on the texts of the German thinker, dialectics and ambivalence of the subjective and the objective in a language are examined.

Key words: W. von Humboldt, language, linguistic philosophy, anthropology.

Литература

1. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. – М.: Айрис-Пресс; Рольф, 2001. – 416 с.
2. Постовалова В.И. Язык как деятельность: опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 220 с.
3. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания. – М.: Академия, 2006. – 672 с.

4. *Зубкова Л.Г.* Язык как форма: теория и история языкознания. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 237 с.
5. *Кассирер Э.* Философия символических форм: в 3 т. – М.; СПб.: Универ. кн., 2002. – Т. 1. – 272 с.
6. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 445 с.
7. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
8. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
9. *Хомский Н.* Язык и мышление. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 122 с.
10. *Лакан Ж.* Семинары. – М.: Гнозис; Логос, 1998. – Кн. 1. – 429 с.

Поступила в редакцию
06.10.11

Галиева Альфия Макаримовна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории литературы и компаративистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: amgalieva@gmail.com

Ибрагимова Зульфия Зайтуновна – кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: yuldyz@rambler.ru